

НЕОЖИДАННОСТЬ КАК МЕТОД ВОСПИТАНИЯ

В 1955 году мне пришлось с группой педагогов организовать большую школу для четырѐхсот трудновоспитуемых подростков – мальчиков 4–10 классов. Им были известны все меры наказания. Можно сказать, вся их жизнь была, как губка, пропитана репрессиями в семье, школе, милиции... Скорее, им было неизвестно другое – поощрение, родительская и особенно педагогическая забота, ласка, тепло, внимание. Наказание было нормой отношения к ним взрослых и вызывало такую же стойкую ответную реакцию. Перед нами была задача создать систему обучения и воспитания этих трудных ребят, основанную на положительных педагогических началах.

* * *

Первого сентября мы их кое-как собрали. Это была очень своеобразная публика. Они пришли не учиться, а просто так, посмотреть, повеселиться, чтобы уже через час уйти на рынки, на вокзалы. Но мы их перехитрили. На них обрушилось что-то непонятное, но интересное. Мы обратились к ним с предложением:

– Мальчишки, поехали послезавтра рыбу ловить!

В зале, где стояла серая, разнокалиберная шеренга ребят, наступила гробовая тишина изумления и неверия.

– А что, поехали! – раздался чей-то авторитетный голос. Вся ватага зашумела, засвистела в восторге от такого начала учебного года.

Эдуард Костяшкин,
доктор педагогических наук

В годы застоя, когда под запретом было любое живое слово (тем более в педагогике), как глоток свободы воспринимались статьи и книги таких авторов, как, например, С. Соловейчик или В. Матвеев. Круг их был невелик, и в него по достоинству входил Эдуард Георгиевич Костяшкин (1926–1983). Последователь идей Макаренко, он в своё время был директором знаменитой 544-й московской школы – первой школы полного дня для трудновоспитуемых подростков.

И 3 сентября мы повезли их на Пестовское водохранилище. Педагоги шли перегруженные снаряжением, а за ними брели сотни лентяев, с папиросами в зубах и ухмылками на лице.

Около Тишкова разбили, лагерь. Рыбы мы, конечно, не поймали, но всё же сумели увлечь и немного объединить ребят. Было купание, были костры, рассказы, пытались петь под аккордеон, плясать цыганочку и чечётку – иных танцев эти мальчишки не знали.

Особенно сильное впечатление произвели на них мои рассказы о собственном трудном детстве, о тяжкой работе на шахте во время войны, о суровой военной школе... Их поразило, что из такого же мрачного, как и у них, положения можно выбраться, окончить институт и стать директором школы.

* * *

На следующий день мы их снова не посадили за парты, а пове-

ли на сельскохозяйственную выставку. Потом разгружали арбузы на причалах. Причём и это преподнесли в такой форме:

– Давайте, ребята, арбузы разгружать! Наедемся до отвала!

Так и сделали. Причём заранее договорились об этом с бригадиром причала. И съели-то ребята гораздо меньше, чем раскалывается арбузов при небрежной разгрузке.

Вдоволь насытились, кое-кто из них начал собираться по своим делам. Я уже готов был взорваться, как сработала педагогика совести, выявив двух скрытых от меня главарей этой толпы. Удивительно, что ими оказались два неприметных мальца, с умными и лукавыми физиономиями. Несколько их слов, процеженных сквозь зубы, произвели на ребят магическое действие.

– Побросаем немного для приличия, только осторожно, а то подумают, что мы всё лучшее сожрали, как шакалы...

Побросали. Получилось. Потом втянулись, разошлись наши молодцы и арбуз за арбузом разгрузили огромную баржу...

* * *

С одним надо вовремя съесть бутерброд, а с другим, может быть, нужен мужской разговор один на один. Порой надо быть и в какой-то степени суровым. Среди педагогически запущенных ребят на первых порах авторитет силы личности, её воли, умения, ловкости, смелости выше, чем авторитет ума и знаний.

А иногда нужно совсем другое, сугубо интимное и тонкое. Я приведу лишь один пример.

Отец ушел из семьи, и Коля остался с матерью. Одиночество высушило женщину, она стала раздражительной, злой. Её любовь к сыну смешалась с ненавистью к его отцу, и каждая ласка к ребёнку сопровождалась бранью в адрес бывшего мужа. Во дворе Колю обжигали насмешки детей над тем, что у него нет отца: «Ты ничейный!» Он рос угрюмым, ненавидящим всех и вся. К нам попал он в очень тяжёлом состоянии, всех бил, исподтишка и жестоко, словно мстя за свою судьбу. Никакие наказания на него не действовали. Не принимал он и поощрений: они не восполняли его сиротства и не уменьшали обиды.

Как-то после очередной выходки Колю втащили в мой кабинет

визжащего, кусающегося, царапающегося. Забившись за книжный шкаф, он сыпал какими-то бранными словами, угрозами и проклятиями, в том числе и в мой адрес. Не знаю, была ли то интуиция, но, не придумав никакого «воспитательного приёма», я пошел с Колей к себе домой, вместе с ним поужинал и, поскольку была пятница – мой банный день, потащил его с собой в баню. Может быть, это было непедагогично и разрушало все необходимые дистанции между директором школы и маленьким забиякой. Но я тёр его мочалкой, сидел с ним в парилке. Потом в буфете он пил лимонад, а я свою кружку пива... Коля притих, как мышонок. Возвращаясь домой, он держался за мой рукав, а, прощаясь, посмотрел на меня каким-то странным, тревожным и в то же время преданным взглядом...

Там, в бане, произошло какое-то маленькое чудо. У Коли появился отец. Не по родству, не на всю жизнь, но хоть на чуть-чуть. Первый раз его тёр мочалкой мужчина, и никто со стороны не мог сказать в ту минуту, что у Коли нет отца. Этого мгновения хватило, чтобы растопить маленькую душу мальчонки.

* * *

Вопрос о педагогических оценках аномального поведения очень сложен и тонок. Истории

известно множество случаев, когда весьма плохое поведение или хроническая школьная неуспеваемость не мешали отдельным людям достигать величайших вершин в науке и искусстве. Более того, некоторые характерологические особенности, проявление которых порой воспринимается как странное поведение, не только не препятствуют развитию природных дарований и способностей к труднейшим видам деятельности, но и способствуют ему.

К сожалению, учителя порой очень поспешны в своих диагнозах и оценках.

Однажды в праздничный день 1 сентября я обходил школу с заведующим роно. Классы и кабинеты благоухали от множества букетов, глаза детей сверкали от возбуждения, учителя были торжественно настроены. И вот около дверей первого класса мы увидели двух крохотных малышей, понуро стоящих с новенькими портфелями. В ответ на наш вопрос, почему они стоят в коридоре, один мальчуган... заплакал, а другой бросился наутёк к выходу. Вышла молодая учительница с гневным лицом.

– Да, я выставила их за дверь! Это отъявленные хулиганы, а Иванов к тому же и ненормальный... Он пять минут не может спокойно посидеть и всё время пристаёт ко всем ученикам, тычет в них шариковой ручкой!

Бедный малыш! Он перевозбудился от обилия восторгов, яр-

ких красок, необычной обстановки и, наконец, не ко времени подаренной – великой редкости в ту пору – многоцветной блестящей ручки. Как же было не показать её всем! В дальнейшем этот мальчик действительно доставил школе немало хлопот, но успешно окончил её и поступил в один из лучших вузов Москвы.

* * *

Патология характера развивается не только в семьях, где существуют плохие отношения между родителями или нет за детьми достаточного надзора. Очень часто такой причиной является избытованность ребёнка, излишнее внимание к нему, особенно если он воспитывается без братьев и сестёр, да еще имеет, помимо родителей, дедушек и бабушек, дрожащих над каждым его шагом, потакающих всем капризам.

Однажды ко мне в кабинет привели мальчика семи лет, изысканно, с большим вкусом одетого, очень выхоленного, с лукавыми глазёнками. Сопровождала его робкая бабушка. Войдя, мальчик вежливо посмотрел на меня и спокойно лег на пол. Подняв ножку, он так же спокойно произнес: «Бабка! Домой!» Я решил, что он гонит бабушку. Но чадо, топнув с размаху по полу, подняло другую ногу и на более высоких нотах угрожающе закричало: «Бабка! Неси меня скорее отсю-

да!» Старушка виновато засуетилась вокруг внука, испуганно косясь на дверь, откуда послышался подозрительный шум. Дверь распахнулась, и в кабинет буквально ввалилась целая толпа уважаемых граждан самого различного возраста.

Дитё уже всюду лупило по полу и ногами, и руками. Раздумывать мне было некогда. Я взял его легонько за шиворот, бережно встряхнул, как бы сдул с него пыль, и поставил на пол. Мальчик мгновенно затих, испуганно посмотрел на мои руки, а присутствующие замерли в немом ожидании педагогических чудес. Но чудом были они сами. Один-единственный ребёнок воспитывался в очень обеспеченной семье, в которой помимо отца и матери были воспитателями два дедушки, две бабушки, несколько тёток пенсионного возраста и, разумеется, няня, некая тетя Поля, которая и рассказала мне потом обо всей этой педагогической трагикомедии.

К ребёнку никто не смел прикоснуться, что-либо приказать ему, заставить сделать. Любое распоряжение одного из многочисленных «воспитателей» вызывало тут же сперва теоретический, а затем обычный кухонный спор с переходом в ожесточённую перебранку. Каждый стремился пробиться к сердцу ребёнка самыми тонкими приёмами, в основе которых обычно лежал подкуп.

* * *

Уличные ребята – стихийные психологи. Привычки, особенности, склонности подростков они знают до тонкостей. И действуют они не только на мальчишек; девочки 14–15 лет также легко могут попасть под дурное влияние улицы. Только путь туда девочек, как правило, совсем иной – исходным моментом является психофизиологическое начало.

Их товарищи, одноклассники-мальчишки, отстав в своём физиологическом развитии на два, а то и три года, в чём-то теряют для одноклассниц интерес. В то же время старшие подростки, «взрослее» смотрящие на девочек и отдающие дань их женственности, становятся ближе. Между ними природа протягивает незримую естественную связь, которая легко может наполниться самым дурным содержанием: сексуальными влечениями и всем тем, что сопутствует им в ранней юности – ложью, скрытностью, гримасничаньем в подражании взрослой женщине и т. п.

Отклонения в поведении девочек и мальчиков совсем не одно и то же. Трудные девочки могут ничем не отличаться от своих подружек, не нарушать порядка и даже внешне выглядеть аккуратными школьницами. Их трудность – в направлении развивающегося характера, интересов и склонностей; у мальчиков же трудности зримые, они на поверх-

ности их поведения, мешающего повседневной школьной жизни. Поэтому и кажется, что трудных мальчиков больше, и внимание педагогов школы в основном концентрируется именно на них.

В действительности же дело обстоит куда серьёзнее. Трудных, педагогически запущенных девочек не меньше, чем мальчиков. Но эта запущенность касается их личной жизни, здоровья и нравственности, а не школьного поведения, разве что много хлопот доставляют неуспевающие девицы. Но это дело привычное, и учителя чаще видят здесь неспособность к учению, чем глубокие душевные и моральные неполадки.

* * *

Среди некоторых педагогов бытует мнение, что детей с нервными заболеваниями можно лечить только медицинскими средствами. Однако не меньшее значение для компенсации или восстановления отдельных лёгких нарушений нервной системы имеют чисто педагогические меры, имеющиеся в распоряжении каждого учителя.

В 544-й московской школе было несколько учеников, которым разрешалось заниматься во дворе, а в плохую погоду на площадке лестницы, в библиотеке, в пионерской комнате. И удивительное дело: в этих случаях они всегда всё выучивали, а в группе прод-

лённого дня не только сами не работали, но и другим не давали.

Вообще невротики требуют к себе постоянного и пристального внимания. Это утомляет педагогов, требует от них дополнительного напряжения, но зато окупается и порядком в классе, и лучшим поведением самих трудных подростков.

Основной методической линией в работе педагога с нервными учениками является предупреждение возбуждения, а не торможение его и урезонивание уже разбушевавшегося подростка, что намного труднее. Предупредить возбуждение ребёнка с неустойчивой нервной системой – значит предвидеть его реакции и по возможности устранить наиболее сильные раздражители: окрик, резкость, угрозу, учебные неудачи, ссоры с товарищами. Порой лучше вообще не ставить ему в журнал заслуженную двойку, тем более не записывать выговор в дневник, а посадить рядом с собой после уроков и тихо, мирно побеседовать на невыученную тему, заставить прочитать при вас нужный параграф, спокойно проделать во искупление дисциплинарной провинности какую-то работу.

* * *

Интересен опыт работы с трудными подростками Татьяны Борисовны Дюшен, которая много лет вела в специальной школе

математику в 5–8 классах. Трудно даже сказать, когда она больше учила своих трудных учеников: на уроках или до них. (Именно до уроков, а не после). Собирая их утром, за час до начала занятий, она не только повторяла ранее пройденный материал, но непременно объясняла тему предстоящего урока. В результате эти ученики на самом уроке быстрее включались в работу, часть материала им была уже знакома, они не сидели сложа руки, в ожидании послеурочных дополнительных занятий.

И тон, и доброжелательные, чуть насмешливые глаза, и глубокое знание психологии трудных мальчишек – всё было на вооружении педагогической техники Татьяны Борисовны. Но главным её оружием было внимание, участие в судьбе, и прежде всего самых нервных, запущенных ребят.

Это был очень строгий, даже жёсткий педагог, однако её индивидуальный подход к отстающим ученикам, беспредельная преданность им, борьба за каждого снижали ей любовь и уважение. Бушевать, рвать тетрадки, выбегать из класса после двойки, кидать в припадке ярости учебник на уроках Татьяны Борисовны не смели даже самые тяжелые психопаты. Удивительное дело! У других учителей эти же ребята устраивали невероятные сцены, буквально срывая своим поведением урок. А на математике мучились

по полчаса над задачкой, краснея от натуги, чертили геометрические построения, словно и не было у них всяких отклонений. Татьяна Борисовна обходила все возможные острые углы, предупреждала вспышки, ибо отлично знала слабости каждого ученика.

* * *

Особенно трудно работать с нервными детьми в конце учебного года – апреле, мае, июне, когда их переутомление достигает максимума. В эти месяцы и нормальные ребята больше обычного шумят, на переменках открывают окна, высовываются чуть ли не по пояс из них. Резко возрастает число прогулов, драк и особенно различных конфликтов с девочками. В это время детям надо разрешить на переменках просто побегать по школьному двору, по возможности увеличить проведение уроков на воздухе, усилить внимание к туристской и спортивной работе.

Даже музыку, передаваемую на переменках по школьному радио, следует выбирать. На первый взгляд, это маловажный вопрос. На самом же деле музыка имеет прямое влияние на поведение подростков. В 1957/58 году в специальной школе, работавшей с учениками, среди которых было очень много неврастеников, психопатов, истериков и т.д., был проведён своеобразный эксперимент. На пе-

ременах по школьной радиотрансляционной сети музыка передавалась двух видов: один день на всех переменах – современные западные танцевальные мелодии с быстрым ритмом, а в другие дни – классику (например, «Рассвет на Москва-реке» Мусоргского). И каждый день, когда на переменах заводили твисты и фокстроты,

число нарушений дисциплины было чуть ли не в три раза больше и нарушителями были прежде всего подростки с повышенной возбудимостью.

*(Из книги Э. Костяшкина
«Индивидуальная работа
в школе с трудными
подростками», М., 1971.
Подготовила М. Ганькина)*

